

UNITED WISDOM

Фальсафа, калам и тасаввуф: разные способы исследования

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-25-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Фальсафа, калам и тасаввуф: разные способы исследования

> *«Все люди от природы стремятся к знанию.»*
>
> *Аристотель, Метафизика, I.1, 980a21; английский перевод W. D. Ross. Русский перевод автора статьи с английского. Это философский вход в вопрос о знании, а не исламское вероисповедное утверждение.*

О чём эта статья

Три собеседника обсуждают одну проблему, но задают ей разные вопросы: выдерживает ли вывод проверку, соответствует ли он религиозному основанию и меняется ли от понимания способ жить? Такая условная сцена помогает войти в историю фальсафы, калама и тасаввуфа. Эти названия не обозначают три ступени, на которых разум последовательно уступает место вере и затем переживанию. Они указывают на пересекающиеся области исследования, спора и практики внутри исламской культуры. Мы рассмотрим их задачи, критерии убедительности и возможные ошибки, затем увидим пересечения на примере Аль-Газали. Сопоставление с Аристотелем, платоновским диалогом и буддийским текстом позволит точнее отличить доказательство от авторитета и нравственную дисциплину от простого согласия с правильными словами. Современные применения здесь принадлежат нашему анализу; они не превращают исторические дисциплины в универсальный рецепт. Главный вопрос статьи — как понять, какая именно работа требуется, прежде чем оценивать полученный ответ.

I. Три названия не образуют лестницу зрелости

Начать стоит с отказа от удобной иерархии. Ни история, ни смысл названий не дают основания автоматически расположить их как «сначала вера, потом разум, затем высшее переживание». Такая лестница слишком многое решает заранее. Она предполагает, что одна дисциплина обязательно заменяет другую, а различия объясняются уровнем развития человека.

В условном разговоре за столом произносят три похожие реплики. «Это невозможно: рассуждение противоречит себе». «Так нельзя понимать текст: тогда исчезает его смысл». «Я знаю эти слова, но моя жизнь им не соответствует». Все трое говорят о знании. Однако первый проверяет довод, второй — толкование, третий — собственное

состояние и действие. Если отвечать каждому одной и той же фразой, разговор скоро станет бесплодным.

Историю исламской мысли часто организуют так же поспешно: философы думали, богословы верили, суфии чувствовали. Схема легко запоминается и почти сразу начинает мешать. Она забирает у богословия аргументы, у мистики — интеллектуальную работу, у философии — вопрос о жизни. В результате три названия превращаются в три современных психологических типа, которых в источниках никто не обязан узнавать.

В исследовании естественной философии исламского мира Джон Макгиннис рассматривает и калам, и фальсафу как интеллектуальные традиции, обсуждавшие устройство природы. Они различались, среди прочего, подходами к телам, движению и причинности. Следовательно, противопоставление «разумная философия — неразумное богословие» не описывает даже их предметы достаточно точно.

Лучше спросить, какую задачу решает конкретное рассуждение. Объясняет ли оно, что существует? Проверяет ли согласованность убеждений? Защищает ли определённое понимание откровения? Исследует ли изменение поведения? Один автор может переходить между такими задачами, меняя способ аргументации.

Условный человек сначала спрашивает, почему он дал обещание. Затем — обязан ли его выполнить. Затем — почему при понимании обязанности продолжает откладывать. Ответ на третий вопрос не заменит ответ на второй. Честное признание слабости не отменяет обязательства, а точное правило не объясняет автоматически, как его исполнить. Это разные исследовательские действия, хотя они относятся к одному эпизоду.

Исторические дисциплины намного сложнее этого примера. Но пример показывает ошибку лестницы: способность решить один тип задачи не доказывает превосходства во всех остальных. Математическое доказательство не даёт человеку готового нравственного характера. Серьёзная религиозная практика не делает любое его рассуждение логически верным.

Когда различия перестают быть ранжированием людей, их можно изучать внимательнее. Тогда вопрос звучит не «кто из них выше?», а «что становится видимым при этом способе исследования и что остаётся за его пределами?». Такой вопрос сохраняет достоинство участников и позволяет спорить по существу.

Нужно осторожно пользоваться и словом «исламский». Оно может обозначать религиозную принадлежность автора, среду работы, предмет исследования или язык интеллектуального наследия. Эти признаки не обязаны совпадать. Маренбон, например, описывает багдадских комментаторов среди мусульман и христиан. Поэтому вопрос о том, кто участвовал в разговоре, нельзя заранее решить одним названием эпохи. Общий

язык сочинений не равен общей вере, а общая вера не равна одному философскому ответу.

Такое различение помогает и при чтении современного каталога. Название раздела организует поиск, но не заменяет описание каждой работы. Если поставить книгу в отдел философии, её религиозные обязательства не исчезнут. Если поставить в отдел религии, её доводы не станут автоматически непроверяемыми. Каталог нужен, чтобы найти текст; текст нужен, чтобы проверить каталог. Когда это движение прекращается, классификация начинает производить вместо чтения заранее выбранные выводы.

II. Фальсафа: объяснение должно выдерживать проверку

Фальсафа нельзя перевести как современную светскую науку. Это философская деятельность в определённой исторической среде, связанная с наследием Аристотеля и других античных авторов, его переводами и дальнейшим преобразованием. Но наследование не означает механического копирования. Мыслитель может сохранять вопрос предшественника и менять устройство ответа.

В обзоре средневековой философии Джон Маренбон показывает разнообразие этой работы и её последующих пересечений с каламом. В частности, Ибн Сина не просто комментировал прежние тексты, а строил собственную философскую систему. Эта история не укладывается в схему, где разум однажды появился и затем исчез после вмешательства религии.

Для читателя важен вопрос об объяснении. Недостаточно сказать, что вывод звучит убедительно. Нужно понять, из каких посылок он следует и обязаны ли мы принять эти посылки. В обычном споре два действия часто смешиваются: человек показывает, что следствие не нравится, и считает, что тем самым опроверг довод. Но неприятный вывод может следовать из принятых им оснований.

В условной ситуации собеседник говорит: «Любой, кто ошибается, некомпетентен». Затем возмущается, когда правило применяют к нему. Возможны разные исправления: признать себя некомпетентным, отказаться от исходной посылки или уточнить смысл ошибки. Простое раздражение не выполняет ни одного из них.

Философская работа полезна именно этой требовательностью. Она делает видимыми скрытые переходы. Из наблюдения, что человек иногда зависит от чужого мнения, не следует, что все его убеждения ложны. Из признания причин поступка не следует отсутствие ответственности. Между предложениями нужен довод.

Однако объяснение имеет предел. Красиво устроенная система может включать спорное основание; логическая последовательность не гарантирует соответствия

фактам. Если речь идёт о наблюдаемом мире, понадобится также проверка сведений. Поэтому уважение к философскому рассуждению не требует признать любую историческую космологию действующей физикой. Читатель может исследовать силу аргумента и одновременно не принимать его картину природы.

III. Калам: убеждение становится предметом довода

Калам связан с рациональным обсуждением богословских вопросов. Его исходные обязательства отличаются от тех, которые читатель может ожидать от современной философии без религиозной принадлежности. Но наличие обязательств ещё не означает отсутствия рассуждения. Вопрос состоит в том, как они артикулируются, защищаются и соотносятся друг с другом.

В уже упомянутом исследовании естественной философии видны богословские обсуждения атомов, изменений и причинности. Не все богословы занимали одинаковые позиции. Слово «калам» не является названием одной неизменной теории, которую можно без уточнений приписать всем мусульманским авторам.

Чтобы понять такой разговор изнутри, полезно различить принятую основу и конкретное толкование. Человек может признавать авторитет текста и спорить о том, что именно следует из него. Он может считать определённое утверждение обязательным, но отвергать предложенный способ его защиты. Несогласие с доводом не всегда означает отказ от веры.

Условная община говорит, что справедливость необходима. Один участник считает справедливым одинаковое правило для всех, другой — внимание к разным обстоятельствам. Они ещё не обязаны расходиться в самой ценности справедливости. Спор возникает о её содержании и применении. Если назвать одного «защитником справедливости», а другого «противником», предмет разговора будет потерян.

Продолжим эту условную ситуацию. Оба участника могут ссылаться на одно признанное основание справедливости, но первый добавляет посылку, что равенство всегда требует одинакового действия, а второй — что существенное различие обстоятельств меняет способ применения. Тогда проверять нужно именно добавленные посылки: общее признание ценности пока не выбрало между ними. Внутри разговора один довод может оказаться сильнее, хотя внешний слушатель ещё не принял исходного авторитета. Для него возникает другой вопрос — почему это основание обязательно. Эти два обсуждения можно вести рядом, если не выдавать успех во внутреннем споре за убеждение всякого возможного читателя. Различение помогает понять, какую работу совершает богословский довод, сохраняя возможность отдельно исследовать его исходные обязательства.

При этом такая внутренняя работа не закрыта от внешнего вопроса. Читатель вправе спросить, почему принят авторитет исходного текста, чем подтверждается определённое толкование и как разрешаются противоречия. Важно лишь не выдавать этот внешний вопрос за единственный вопрос, который существует в традиции.

Есть также риск защитного рассуждения. Если любая возможная трудность заранее переописывается так, чтобы убеждение не могло измениться, довод становится непроверяемым. Этот риск существует не только в богословии. Человек так же может защищать политическую идею, семейную легенду или собственный образ разумного человека.

Поэтому изучение калама требует двух движений. Сначала понять, что именно защищает автор и почему вопрос значим для его среды. Затем проверить, насколько предложенный ответ выдерживает возражение. Преждевременное презрение мешает первому; преждевременное согласие мешает второму.

IV. Тасаввуф: знание затрагивает способ жить

Тасаввуф, обычно связываемый с суфизмом, включает духовную практику и её осмысление внутри исламской жизни. Его нельзя свести к эмоциональной интенсивности или к любому необычному переживанию. В исследовании мистицизма в арабской и исламской философии Мехди Аминразави показывает практическое и философское измерения этой области и её пересечения с другими интеллектуальными традициями.

Здесь появляется вопрос, который не исчерпывается истинностью предложения: как знание существует в самом знающем? Можно прекрасно объяснять благодарность и постоянно вести себя так, будто помощь окружающих не заслуживает внимания. Можно доказать значение терпения и не выдержать короткого несогласия. Разрыв между речью и действием не делает речь автоматически ложной, но меняет вопрос о человеке, который её произносит.

В нашем условном примере собеседник знает, что не должен унижать другого. Он даже способен убедительно защитить этот принцип. Но в споре быстро переходит к насмешке. Если ему предложить ещё одно определение достоинства, проблема может не сдвинуться: определение уже усвоено. Нужно исследовать последовательность происходящего, внимание к себе и способ действия.

Это современный пример, а не полное описание суфийской дисциплины. В религиозной традиции речь идёт о более широких целях, отношениях с Богом, наставничестве и формах практики. Вычеркнуть этот контекст ради универсальной техники было бы исторически неточно.

При этом практика не отменяет проверки высказываний. Переживание ясности может быть важно для человека, но само по себе не убеждает другого в истинности всех его выводов. Фраза «я это прожил» сообщает нечто об опыте говорящего; она ещё не устанавливает, что он правильно объяснил источник и смысл опыта.

Поэтому интеллектуальная и практическая работы могут нуждаться друг в друге. Рассуждение помогает назвать заблуждение, которое переживание не замечает. Практика обнаруживает разрыв, который правильное рассуждение не устраняет. Их связь не требует объявить их одинаковыми. Напротив, она становится точнее, когда каждый способ сохраняет свой вопрос и не присваивает чужой результат.

V. Один автор может находиться на пересечении

История пересечений мешает превратить три названия в три лагеря. В обзоре Маренбона средневековые способы философствования рассматриваются в развитии: позднейшие авторы соединяли наследие Ибн Сины, калам и суфийские темы. Аль-Газали особенно неудобен для простой схемы, поскольку обсуждал философию, богословие, право и духовную жизнь.

Но пересечение не означает безразличного смешения. Автор может принимать один инструмент и критиковать определённый вывод, полученный с его помощью. Он может признавать полезность логики, не принимая всей метафизики философов. Он может считать богословский довод нужным для одной задачи и недостаточным для другой.

В условной современной работе архитектор пользуется математикой, учитывает правовые нормы и исследует переживание пространства. Это не делает математику, право и человеческий опыт одним предметом. Не отменяет оно и возможного конфликта между ними: красивое решение может нарушать правило, допустимое — быть неудобным, удобное — требовать сложного расчёта.

Историческая аналогия ограничена, но она показывает устройство пересечения. Разные знания собираются не потому, что различия исчезли, а потому, что задача затрагивает несколько областей. Компетентность состоит также в способности заметить, когда следует перейти к другому вопросу.

При чтении автора поэтому полезно отмечать переходы. Здесь он доказывает; здесь толкует текст; здесь описывает религиозный опыт; здесь полемизирует; здесь предлагает действие. Смена жанра не обязательно является непоследовательностью. Но она должна быть видна, иначе читатель перенесёт силу одного типа основания на другой.

Например, исторически подтверждённое существование определённой практики не доказывает её метафизического объяснения. Убедительное нравственное наблюдение не

устанавливает достоверность описанной космологии. Согласованная система верований не является отчётом об эксперименте. Каждому утверждению нужно основание, соответствующее его предмету.

Читатель получает возможность не выбирать за автора одну клетку в таблице. Вместо этого можно исследовать движение его мысли: какие проблемы заставляют менять инструмент, что при переходе сохраняется и где возникают новые обязательства. Тогда сложность становится не помехой классификации, а важной частью самого текста.

VI. Разные способы убеждать требуют разных проверок

Спор о знании часто превращается в спор о манере речи. Один человек уверен и быстр, другой осторожен, третий говорит ярко и лично. У слушателя возникает соблазн принять впечатление за качество основания. Но уверенный голос не подтверждает посылку, осторожность не доказывает ошибку, а трогательный рассказ не заменяет аргумента.

Аль-Фараби рассматривал общество, воспитание и различные формы представления знания. В исследовании его философии общества и религии Cleophea Ferrari показывает значимость этих вопросов в его собственной системе. Мы не принимаем его политическую модель как готовый современный проект; для этой статьи важна сама возможность различать содержание мысли и способ её передачи.

Условный преподаватель объясняет одно положение формулой, рисунком и рассказом. Рисунок помогает увидеть отношение, но может скрыть исключение. Рассказ помогает удержать внимание, но может придать единичному случаю вид общего правила. Формула точна при заданных условиях, но не говорит сама по себе, где эти условия выполнены. Разные формы не уничтожают друг друга; каждая требует собственной проверки.

Так же следует читать философский довод, богословскую полемику и описание духовного пути. Довод нужно восстановить в последовательности посылок. Полемику — понять вместе с позицией оппонента. Описание опыта — отличить от объяснения опыта и от предписания читателю. Если все три просто объявить «мнениями», мы потеряем существенные различия.

Есть и обратная ошибка: считать, что только один способ речи имеет право на существование. Тогда всё, что нельзя оформить как доказательство, исчезает из внимания. Но рассказ о страхе может быть нужен, чтобы понять, какой вопрос человек вообще способен сейчас обсуждать. Он не станет доказательством метафизики, зато изменит условия разговора.

Точность состоит в отказе от лишнего переноса. Из уважения к рассказчику не следует согласие со всеми выводами. Из обнаруженного противоречия не следует презрение к его жизни. Из важности переживания не следует право отменить проверку фактов. Различение делает спор труднее, но именно поэтому он получает шанс перестать быть обменом впечатлениями.

Есть ещё вопрос о масштабе аудитории. Человек может найти объяснение, понятное ему самому, но пока не способен передать его другому. В этом нет автоматического опровержения: обучение действительно требует времени. Однако ссылка на трудность передачи не должна навсегда заменять саму передачу. Если утверждение затрагивает решение других людей, нужны доступные им основания или честное признание, что они предлагаются на доверии.

Условный организатор говорит: «Поверьте, это правильный путь; когда пройдёте его, поймёте». Возможно, путь требует опыта, который нельзя полностью предсказать. Но до начала участники всё же вправе знать условия, затраты, возможность остановки и ограничения обещаний. Различие исследовательских способов не снимает обычной ответственности за приглашение. Наоборот, оно позволяет точнее назвать, что можно объяснить сейчас, а что останется предметом личного опыта.

VII. Где каждая область может ошибиться

Карту способов исследования полезно проверять через их уязвимости. Это наша современная аналитическая рамка, а не исчерпывающий исторический диагноз трёх традиций. Она нужна, чтобы названия не превратились в почётные звания, освобождающие от проверки.

У рассуждения есть соблазн заменить предмет красивой системой. Человек настолько ценит согласованность объяснения, что начинает пренебрегать тем, что в него не помещается. В условном споре он точно выводит последствия, но не проверяет, верно ли описана исходная ситуация. Его довод работает как исправный инструмент, приложенный не к той задаче.

У защиты убеждения есть соблазн сделать его неуязвимым. Любое подтверждение засчитывается, любое опровержение объявляется непониманием. Тогда спрашивать ещё разрешено, но реально изменить ответ невозможно. Читателю стоит заметить не только набор аргументов, но и условия, при которых автор был бы готов уточнить собственную позицию.

У разговора о внутренней работе есть соблазн приватизировать критерий. Человек говорит, что его нельзя понять без такого же опыта, а затем требует безусловного доверия к выводам. Но невозможность полностью передать переживание не разрешает

автоматически распоряжаться другими. Особенно когда речь идёт о деньгах, отношениях, согласии или безопасности.

Можно возразить, что эти ошибки слишком общие. Именно так: они принадлежат не одной культуре. Карта не должна превращаться в перечень чужих недостатков. Она помогает спросить, какую форму ошибка принимает в конкретном тексте и какое средство проверки доступно внутри его разговора.

Поэтому полезно искать и внутреннюю самокритику. Автор может различать действительное знание и показную учёность, религиозность и самолюбование, довод и словесную победу. Важнее прочитать такое различение, чем заранее назначить традиции роль наивного противника современного разума.

При этом самокритика не доказывает, что все проблемы уже решены. Она показывает, какие вопросы участники способны ставить сами. Внимательный внешний читатель может добавить другие. Исследование продолжается там, где возможно назвать существенную трудность, не уничтожая достоинство человека и не снимая требований к его утверждению.

VIII. Знание, основание и действие в конкретных текстах

Полезное сравнение задаёт проверяемый вопрос каждой позиции, а не распределяет традиции по трём готовым коробкам. Древнегреческая философия не становится фальсафой целиком, христианское богословие — каламом, а буддийская практика — тасаввуфом. Исторические названия связаны с определёнными языками, школами и спорами.

В платоновском «Евтифроне», 10a–11b Сократ различает одобрение богами и основание благочестия. Это позволяет увидеть, почему ссылка на авторитет и объяснение суждения могут требовать разной работы. Рядом с изложением религии и философии у Аль-Фараби такой вопрос помогает не спутать действенность убеждения с формой доказательства. Но диалог о греческих богах не формулирует исламский ответ о едином Боге и не опровергает религиозную мысль одним своим вопросом.

Аристотель во второй книге «Никомаховой этики» связывает нравственное качество с повторяемыми поступками. Аль-Газали в «Избавляющем от заблуждения», §80–85 различает понимание суфийского пути и его осуществление, проверяя собственное намерение. Пересечение здесь точное: знание описания ещё не составляет соответствующей жизни. Расхождение столь же существенно: аристотелевское приобретение добродетели и газалиевская направленность к Богу не получают автоматически одинакового смысла счастья, цели и помощи человеку. Сопоставлять можно разрыв между знанием и действием, не объявляя одинаковой всю этику.

В AN 3.65 оценка качеств соотносится с вредом, благом и суждением мудрых. Этот текст полезен рядом с обсуждением критериев убеждения: недостаточно принять мнение только потому, что оно передано или кажется убедительным. Но из этого не следует разрешение выбирать любые взгляды по вкусу; и критерий сутты не является методом выведения исламского религиозно-правового решения.

Три собеседника поэтому не обязаны говорить всё на одном языке. Один может обнаружить недоказанный переход, другой — неверно прочитанное основание, третий — несоответствие намерения поступку. В удачном разговоре их замечания дополняют друг друга лишь после того, как названа задача. Если человек ждёт исторического объяснения, одного личного переживания недостаточно. Если обсуждается поступок, безупречная классификация не исполняет его за нас. Карта исследований нужна именно для этого распределения ответственности.

IX. Карта, которая оставляет проходы

Фальсафа, калам и тасаввуф полезны как названия исследовательских пространств, если не превращать их в ограждения. Они помогают увидеть разные задачи, формы аргумента и отношения знания к жизни. Они перестают помогать, когда заранее объясняют человека целиком.

Исторический исламский мир не был одним голосом. Философское наследие переводили и преобразовывали; богословские положения обсуждали; духовную жизнь осмысляли. Авторы спорили и заимствовали, иногда соединяя то, что позднейшая схема разнесёт по отдельным колонкам. Эта сложность требует источников и внимания к конкретным произведениям.

Нельзя получить из неё простую формулу современной самопомощи. У исторических дисциплин свои цели, понятия и религиозные обязательства. Но можно научиться задавать более точные вопросы собственному разговору. Какой тип утверждения сейчас звучит? Что считалось бы достаточным основанием? Кто именно должен убедиться и каким способом?

Вернёмся к трём репликам за столом. Противоречивый довод требует исправления довода. Непонятное толкование требует работы с текстом и его основаниями. Разрыв между словами и жизнью требует исследования самого действия. Ни одна задача не обязана унижать две другие, чтобы оставаться значимой.

Читатель может заметить и собственную склонность. Одному легче спорить о принципах, чем признать конкретный промах. Другому легче описывать переживание, чем проверять вывод. Третьему легче сослаться на авторитет, чем выяснить, что тот

действительно сказал. Такая склонность не является диагнозом; она лишь указывает, какую работу мы привычно оставляем другому.

Хорошая карта не избавляет от движения. Она показывает места перехода и предупреждает, где один инструмент больше не отвечает на возникший вопрос. Тогда разные способы исследования становятся не тремя готовыми ответами, а возможностью продолжить разговор точнее.

Такой разговор остаётся открытым без обещания всеобщего согласия. Его успех может состоять в том, что участники наконец ясно понимают предмет разногласия и перестают требовать от чужого ответа решить вопрос, ради которого он не создавался.

Что это значит на практике

В повседневной жизни эта карта может помочь точнее определить вопрос. Она не предлагает стать философом, богословом или суфием за несколько шагов. Речь о более скромной работе: не требовать от одного ответа того, что он не способен дать.

Возьмём условное обещание помочь близкому человеку. Сначала есть вопрос факта: что именно было сказано, при каких условиях и что изменилось? Его нужно выяснить раньше общих разговоров о долге. Затем есть вопрос основания: почему обещание связывает человека и какие исключения существенны? Здесь начинается рассуждение о норме. Затем возникает вопрос исполнения: что мешает сделать обещанное и какой шаг доступен теперь?

Если перепутать порядок, можно получить убедительный, но бесполезный ответ. Человеку читают лекцию об ответственности, хотя он уже согласен с обязанностью и не знает, как организовать помощь. Или предлагают успокоиться, хотя осталось неясным само содержание обещания. Или обсуждают детали расписания, когда участники по-разному понимают обязательство.

Практическая проверка состоит в трёх коротких формулировках. «Мне сейчас нужно установить...» — для факта. «Мне нужно понять, почему...» — для основания. «Мне нужно проверить, как...» — для действия. Эти предложения не обязаны вместить любую ситуацию, но часто показывают, на каком месте разговор перескочил слишком далеко.

Следующий вопрос касается источника уверенности. Я уверен, потому что видел? Потому что восстановил довод? Потому что доверяю конкретному авторитету? Потому что переживание было сильным? Можно иметь несколько оснований, но полезно не складывать их в одно неясное чувство. Тогда станет понятно, какую проверку имеет смысл предпринять.

Наконец, оставьте место для результата, который не решает всего. Вы можете уточнить факт и пока не выбрать действие. Можете увидеть противоречие и сохранить религиозную принадлежность. Можете изменить поведение, не объяснив окончательно его прежние причины. Частичный результат честнее большого утверждения, скрывающего незакрытые вопросы.

Такой способ разговора бережёт не только точность, но и усилие. Он позволяет перестать повторять один и тот же правильный ответ на три разных вопроса. Иногда сдвиг возникает не после новой информации, а после признания того, какая именно работа ещё не выполнена.

Ключевая цитата

> *«Мы становимся справедливыми, совершая справедливые поступки.»*
>
> *Аристотель, Никомахова этика, II.1, 1103b; английский перевод W. D. Ross. Русский перевод автора статьи с английского. Формирование добродетели сопоставляется с дисциплиной жизни, сохраняя разные религиозные основания.*

Связи между традициями

Это наши аналитические сопоставления. Историческое влияние не утверждается там, где для него не приведено свидетельство.

Предмет	Позиции и опоры	Что позволяет сравнить	Где проходит граница
Опыт и объяснение	Фальсафа: естествознание — Аристотель, Метафизика I.1	Исследование отличает накопление опыта от объяснения.	Фальсафа имеет собственную историю переводов и переработок; сходство не делает всех авторов аристотеликами.
Авторитет и довод	Аль-Фараби: религия и философия — Платон, Евтифрон 10a–11b	Одобрение и объяснение основания нельзя считать одним вопросом.	Греческий спор о богах не задаёт готового исламского богословского ответа.
Знание и жизнь	Аль-Газали, §80–85 — Аристотель, Этика II.1	Понимание описания отделено от приобретения соответствующего качества.	Привычка добродетели и очищение намерения к Богу принадлежат разным этическим системам.

Предмет	Позиции и опоры	Что позволяет сравнить	Где проходит граница
Предел представления	Исламская мистическая философия: обзор — Псевдо-Дионисий, I.1–2	Религиозное знание может критиковать замыкание высшего в понятии.	Обзор представляет разные авторские позиции; тринитарное богословие Дионисия не тождественно тасаввуфу.
Проверка убеждения	Аль-Фараби: формы убеждения — AN 3.65	Убедительность и достаточное основание различаются.	Оценка вреда и блага в сутте не заменяет философскую демонстрацию или исламский метод исследования.
Дисциплина и внешнее	Аль-Газали: практика, §80–85 — Эпиктет, §1–2	Работа над собой требует отличать собственное действие от внешнего признания.	Стоическая ответственность за суждение не равна газалиевскому намерению и религиозной цели.

Первоисточники

Первичные тексты, нормативные документы и исследовательские комментарии различены в подписях. Название раздела не делает справочное исследование первоисточником.

1. Jon McGinnis. Arabic and Islamic Natural Philosophy and Natural Science. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Введение, разделы о каламе и фальсафе.

2. John Marenbon. Medieval Philosophy. Stanford Encyclopedia of Philosophy. §§2.3–2.4 и обсуждение позднейших пересечений дисциплин.

3. Mehdi Aminrazavi. Mysticism in Arabic and Islamic Philosophy. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Введение и §1; практическое и философское измерения.

4. Cleophea Ferrari. al-Farabi's Philosophy of Society and Religion. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Введение и §§2–3; формы знания, общество и воспитание.

5. **Аристотель. Метафизика, I.1, 980a21 и последующее рассуждение об опыте; английский перевод W. D. Ross. Первичный текст: начало исследования знания.** Текст и использованное место.

6. **Аристотель. Никомахова этика, II.1–2, 1103a–1103b; английский перевод W. D. Ross. Первичный текст: приобретение нравственных качеств поступками.** Текст и использованное место.

7. **Платон. Евтифрон, 10a–11b; английское издание Project Gutenberg. Первичный диалог: отношение благочестия и одобрения богами.** Текст и использованное место.

8. **Аль-Газали. Al-Munqidh min al-Ḍalāl / Избавляющий от заблуждения; английский перевод Richard J. McCarthy. Первичный текст: достоверность, логика, знание пути и осуществление; выбранные §§6–24, 37–45, 80–85.** Текст и использованное место.

9. **AN 3.65, Kālāma / Kesamutti Sutta; перевод Thanissaro Bhikkhu. Первичный буддийский текст: оценка качеств и действий с учётом вреда, пользы и суждения мудрых.** Текст и использованное место.

10. **Псевдо-Дионисий Ареопагит. Мистическое богословие, I.1–2; английский перевод John Parker, 1897. Первичный текст: апофатическое обращение к Богу в тринитарном контексте.** Текст и использованное место.

11. **Эпиктет. Энхиридион, §1–2; английский перевод Elizabeth Carter. Первичный текст: различение зависящего и не зависящего от нас.** Текст и использованное место.

Теги

фальсафа, калам, тасаввуф, исламская философия, исламское богословие, суфизм, знание, исследование, разум, вера, практика, доказательство, убеждение, авторитет, откровение, Аль-Фараби, Аль-Газали, Ибн Сина, Аристотель, Платон, Евтифрон, добродетель, намерение, дисциплина, диалог, история идей, интерпретация, буддизм, критерии знания, межкультурное сравнение

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.